

DOI: 10.18721/JHSS.10105
УДК 137.153:7

«ЭКОЛОГИЯ РАЗУМА» Г. БЕЙТСОНА И КРИТИКА ТЕХНИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Д.Н. Козырев

Всероссийский государственный университет юстиции (Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации), Москва, Российская Федерация

В статье проанализированы особенности системно-кибернетического подхода Грегори Бейтсона (1904–1980) в аспекте общей проблемы глубинных оснований сознания. Отмечается присутствие в его концепции четкого осознания ментальных предпосылок негативных последствий технического прогресса. Актуальность взглядов Бейтсона связывается с его критикой характерного для технократической рациональности стремления установить тотальную власть над сложной целостностью, включающей в себя человека. Особое внимание уделено теме восстановления утерянного чувства космической гармонии. Философ обращает внимание на иллюзию тотальной власти над системой, частью которой является само мыслящее существо: здесь возникает риск тотального подчинения мощным инструментальным алгоритмам. Он вскрывает механизм замещения активного сознания, в ходе которого контакт с миром передается некоей имитирующей форме. Результаты этого исследовательского проекта представляются чрезвычайно ценными в аспекте критики технократизма как крупномасштабной антропологической угрозы. Экология разума противопоставляет безжалостному инструментализму дух сотрудничества с природой, привлекает сочетание любви и мудрости и тем самым открывает горизонты нового рационализма.

Ключевые слова: экологический конфликт, когнитивный анализ, паттерны взаимодействия, системно-кибернетический подход, самопреобразование разума, мир петлевых структур

Ссылка при цитировании: Козырев Д.Н. «Экология разума» Г. Бейтсона и критика технической рациональности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 47–56. DOI: 10.18721/JHSS.10105

BATESON'S ECOLOGY OF MIND AND CRITIQUE OF TECHNICAL RATIONALITY

D.N. Kozyrev

All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy), Moscow, Russian Federation

The paper analyzes the features of G. Bateson's system-cybernetic approach in the aspect of the General problem of deep bases of consciousness. There is a presence

in his concept of a clear understanding of the mental prerequisites of the negative consequences of technological progress. The relevance of Bateson's views is associated with his criticism of the characteristic technocratic rationality of the desire to establish total power over the complex integrity, which includes man. Special attention is paid to the theme of restoring the lost sense of cosmic harmony. The philosopher draws attention to the illusion of total power over the system, of which the thinking being is a part. Here there is a risk of total subordination to powerful instrumental algorithms. It reveals the mechanism of substitution of active consciousness, during which the contact with the world is transmitted to some imitating form. The results of this research project are extremely valuable in terms of criticism of technocracy as a large-scale anthropological threat. The ecology of mind contrasts ruthless instrumentalism with the spirit of cooperation with nature, attracts with the combination of love and wisdom, and thus opens the horizons of new rationalism.

Keywords: environmental conflict, cognitive analysis, patterns of interaction, system-cybernetic approach, self-transformation of the mind, the world of loop structures

Citation: D.N. Kozyrev, Bateson's Ecology of Mind and critique of technical rationality, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 47–56. DOI: 10.18721/JHSS.10105

Введение

Двадцатый век ознаменовался глубокими изменениями в самосознании науки. Одним из самых серьезных сдвигов стало признание правомерности сочетания декартовского аналитического подхода с концептом целостности, истоки которого следует искать в античной метафизике. Можно говорить о вхождении в эпистемологию принципа методологической дополнительности (легитимизация его очевидным образом связана с возрастанием влияния кибернетики). Эта междисциплинарная область знания достаточно быстро стала претендовать на статус общенаучной теоретической платформы.

В ряду крупных мыслителей, оценивших открывающиеся перспективы, особая роль принадлежит выдающемуся британо-американскому ученому Грегори Бейтсону (1904–1980), которого справедливо называют «отцом киберсетевой парадигмы» [1, с. 53]. Действительно, Бейтсон стремился к утверждению двойственного подхода. При таком подходе любое «сообщение» будет одновременно и выявлять структурированную целостность объекта, и представлять его частью целостности иного порядка – структурированного мира, понятого как всепроникающее нелокальное многообразие обратных связей.

Целью данного исследования является попытка адаптации этой методологии к одной из острейших проблем современной цивилизации. Речь идет об экспансии технократического мышления, генетически связанного с декартовской парадигмой, с жестким требованием искусственной изоляции предмета, оказавшегося в фокусе внимания исследователя. «Киберэкологичная» концепция Бейтсона предстает, при внимательном изучении, источником логически сильных аргументов в поддержку гуманистической альтернативы технократизму.

Результаты исследования

Путь самопознания: двойственность восприятия и связь контекстов. Первые десятилетия компьютерной эпохи сопровождалась восхищенными оценками новой междисциплинарной области знания, обусловившей стремительное ускорение технического прогресса. Речь идет о кибернетике, которая стала восприниматься и как наука будущего, и как методологическая основа универсального рационального синтеза разрозненного корпуса наук. Кибернетический подход и соответствующая ему терминология оказались востребованными в гуманитарной сфере – в политологии, психологии, даже в педагогике. Кибернетика несет в себе мощный заряд универсализма, весьма притягательный

для мыслителей, остро чувствующих глубинное единство мира. К числу таких людей принадлежал Грегори Бейтсон, видевший в кибернетике не просто изменение познавательной позиции, но нечто большее — «изменение понимания того, что же такое позиция» [2, с. 441].

Бейтсон приобрел известность при жизни в первую очередь благодаря своим трудам по сравнительной этнографии. Однако его научные интересы отличались исключительной широтой. Овладевая теориями, его мысль стремилась распознать их метатеоретическую основу, выйти на уровень аксиоматики мировых структур. Целью ученого было обнаружение «связующего паттерна», и такая глобальная постановка вопроса включает его в круг европейских философов, пытавшихся понять природу внутренней связи Вселенной. Необычное сочетание нетрадиционных формулировок вопросов, относящихся к традиционному кругу философских идей, делает наследие Бейтсона актуальным для нашего времени. Дело в том, что эти формулировки воплощены в языке, соотношенном с конкретикой приспособления к ритмам технической цивилизации. Этот удачный когнитивный прием, без сомнения, способен дать импульс к размышлениям о положении человека в мире, меняющем свои формы под натиском технической мысли.

Ученый предлагает взглянуть на ментальный процесс как на своеобразный контур взаимодействия между двумя агентами — сознанием и «остальным разумом». Речь идет именно о взаимодействии; восходящая к Локку и ставшая «общим местом» трактовка сознания как наблюдения за происходящим в уме признается малопродуктивной. Сознание — это не «наблюдатель позади одностороннего зеркала» и не «телевизионный приемник, никак не влияющий на программу». В схеме Бейтсона присутствуют два взаимозависимых узла, соединенные линиями прямых и обратных связей. Сознание функционально совпадает с управляющим устройством в сложном аппарате, однако ученый рассматривает его деятельность под несколько неожиданным углом. Сознание выступает источником специфического искажения, из-за которого «ускользает» связь между «я» и миром.

Согласно Бейтсону, эта связь имеет кибернетическую природу. За этим несколько декла-

ративным тезисом стоит требование универсального системного умозрения, своего рода взгляда на познавательный процесс из глубины композиции зеркал. «Иерархия контекстов внутри контекстов» сообщает научному поиску восходящую динамику, побуждая ученого искать объяснение феноменам в действии принципов максимальной степени общности («во всё более широких сферах»). Сравнивая кибернетический подход с подходом традиционной физики, ученый их радикально противопоставляет. Физическое объяснение требует искать решения макроскопических задач «в микроскопическом»; кибернетика же опирается на альтернативный принцип, согласно которому «без контекста коммуникации не существует» [Там же. С. 366].

Итак, Бейтсон предлагает в качестве инструмента самопознания кибернетическую схему. Эта идея вполне соответствует его оценке кибернетики как «самого большого куска, который человечество откусило от плода Древа Познания за последние 2000 лет» [Там же. С. 442]. Но что за инстанция может быть признана контрагентом сознания, своего рода спарринг-партнером? Это должен быть ментальный компонент, развернутый в сторону объектного мира, природного окружения человека. Можно говорить о своего рода «ассистенте» сознания, созидающем связь со всей совокупностью контекстов. Очевидно, что игнорирование этого компонента ментальной схемы делает акт самопознания ущербным и описание взаимодействия с внешним миром обрекается на маловразумительную методологию «черного ящика». При этом Бейтсон не склонен видеть в «остальном разуме» исключительно реактивную инстанцию, запечатлевающую внешнее воздействие. Это деятельное формообразующее начало, подвергающее свое содержание трансформации (он отнюдь не случайно употребляет слово «событие», отмечая, что «содержание сознания — это не случайная выборка сообщений о событиях, происходящих в остальном разуме»).

Операциональный когнитивный узел, точку разрешения жизнеориентационных проблем, Бейтсон называет «вторым существом» в человеке. Этот термин появился в блистательных «Металогах», которые выстроены в полном согласии с древней философской традицией: ученый начинает с «простомыслия», и непредубежденное размышление неожиданно обнару-

живает присутствие неожиданного Логоса. Так, диалог о людях, животных, инстинкте, объективности рождает утверждение, несущее в себе сильный философский заряд: множество связанных в одно целое идей создает «что-то вроде второго существа внутри цельного человека, и это второе существо должно иметь весьма отличающийся способ думать обо всем» [2, с. 81].

Так возникает понимание сложной когнитивной структуры, расщепленной в своих глубинах и при этом остающейся самосогласованной. Противопоставляя стилю работы сознания «объективный способ» мышления «второго существа», философ не вводит нового термина для обозначения когнитивного центра и избегает обращения к термину «субъект». Очевидно, что дуалистический взгляд на ментальный процесс не является чем-то чуждым для новоевропейской гносеологии; классическое, восходящее к Канту, разграничение разума и рассудка можно интерпретировать как направленность интеллектуальной работы соответственно «внутри» и «вовне». Бейтсон использует слово «разум» (mind) в сниженном, «рассудочном» значении. Это уже не верховная управляющая инстанция; говоря о разуме как об объективном начале, ученый имеет в виду осуществление рационального контроля над поведением существа, погруженного в мир объектов.

Сознание наблюдает за движением к цели и осуществляет определенную коррекцию средств. Однако потеря онтологической перспективы смещает отношение «человек – мир» в сторону адаптивных моделей, и в результате целеполагание теряет качество свободного сознательного акта. Уже не надситуативный «практический разум» сообщает направляющие линии, расчерчивающие теоретическую карту жизненных «территорий». Речь следует вести, скорее, о принудительной власти навязанных извне целей, бездумно принимаемых за свободные интенции. Сумма внешних вызовов сообщает воле целеустремленность, но эта линия мотивации подобна силовым линиям магнитных полей и в основе сводится к принудительной внешней детерминации.

Мысль Бейтсона движется в фарватере кибернетической парадигмы, предполагающей, что «большой контекст может влиять на меньший» (с этим кругом идей связан и его знаменитый афоризм «карта не есть террито-

рия»). Узость пространства конкретных задач, вовлекающих объективный разум в хищное и разрушительное самоутверждение, перекрывается глобальным «экологическим» горизонтом, в котором сознанию предназначена какая-то другая и чрезвычайно важная роль.

Антропология Бейтсона вместе с тем лишь намекает на наличие в глубине личности независимого субъективного измерения, не предлагая при этом ни развернутой концепции субъектности, ни путей к ее раскрытию. В его описании процесса познания можно заметить рефрен, повторяющийся тезис о необходимости взаимодействия различных компонентов. Так, в одной из статей он декларирует двуединство предмета человеческого самопознания: «я» представляет собой агрегат, сложенный, с одной стороны, из привычек восприятия, адаптивных действий и, с другой стороны, из неких автономных «имманентных состояний». Речь идет о моментах обращения (или возвращения) к себе. Они столь же необходимы для построения схематического контура, как и признание вовлеченности этой схемы в метаконтекст, и обозначают в ней вторую опорную точку, соединенную с пространственным объектным полем переплетением прямых и обратных связей. Отсутствие их позволяло бы признать корректной тотальную пассивизацию субъекта, соответствующую одиозному образу «человека-машины», в котором человек предстает усложненным подобием собственных инструментов.

Стиль Бейтсона своеобразен; местами его тексты оставляют впечатление намеренной недосказанности, и эти инкрустированные «умолчания» нуждаются в интерпретации. Последовательное развитие избранной логической линии выводит к важному заключению: раздвоение в сердцевине образа «я» рождает две возможности, два паттерна, два варианта построения контура сопряжения с видимой реальностью (которую мы, по оригинальному замечанию философа, «подвергаем селекции и редактируем»). Первый вариант образуется звеньями: «сознание (внутренний наблюдатель) – интеллект, излучающий эвристическую энергию – внешний мир»; это паттерн творческого контакта с объемлющей субъект действительностью. Вторым задается иначе: «сознание как сгущение апперцепции – рассудок как комплекс оптимальных рецептов – объектное окружение». Этот паттерн допускает

описание, применимое для автоматизированных линий связи. Бейтсон упоминает об апперцепции у животных, и это упоминание не случайно. Содержание этого понятия образуют исходные познавательные установки, существенно влияющие на выбор алгоритма действия. В пассивной схеме сознание не выбирает; навстречу вызову выдвигается защитный реактивный шаблон. Статус действия снижается, и оно низводится до некоей последовательности практических шагов без осмысления. Сознание в этом случае погружается в модус отрешенности от процесса при сохранении потенциальной способности к «инсайту».

По-видимому, существование системы столь высокого уровня сложности, как познающий субъект, требует слаженной работы обоих контуров. Однако сдвиг в сторону пассивной схемы вызывает нешуточную тревогу. Дело в том, что сознанию, уступившему активную роль в контакте с миром своей виртуальной имитирующей форме («апперцепции»), грозит опасность тотального замещения мощными инструментальными алгоритмами. Хрупкая основа человечности уязвима для «жесткого излучения» технических структур. Пораженное ими сознание оказывается опустошенным. Мыслитель предупреждает: при наличии технологии, эффективной для «опустошения мира», любой стратегический просчет «приобретает летальный характер».

Название одной из самых известных книг Г. Бейтсона – «Экология разума» – перекликается с тревожными раздумьями Н. Винера: основоположник кибернетики заметил, что «мы столь радикально изменили нашу среду, что теперь, для того чтобы существовать в этой среде, мы должны изменить себя» [3, с. 49]. Книга издана в 1972 г.; она составлена из ряда статей, сходящихся к центральной теме, к антропологическому фокусу. Выдвинутое в заглавие словосочетание оказалось эвристически насыщенным. Оно позволяет провести параллели между технологической агрессией на природу (по сути, основным источником экологических проблем) и давлением, которое испытывают «имманентные» грани личности со стороны омертвелога «объективного разума». Реальные индивидуумы выстраивают «сложные эмоциональные паттерны взаимоотношений с другими индивидуумами».

Констатируя этот факт, философ постоянно намекает на тенденцию к деградации поведения современного человека. Ее итогом, результатом последовательного упрощения, становится связка мысли и действия, адекватная примитивному бихевиористскому описанию. Значит, в этом модусе поведения импульсы инструментального разума инициируются исключительно извне и могут быть интерпретированы в качестве усложненных психических реакций на стимулы (возбудители). Бейтсон размышляет о способах приобретения привычек в контекстах многократного и механического обучения (в том числе в контексте инструментального избегания неприятных последствий). Эти черты поведения наблюдаются как у людей, так и у животных. Но действия человека не исчерпываются влиянием пассивного контура («павловских паттернов» [2, с. 200]); в них присутствует некоторое самоценное содержание, создающее особую целостность, инвариантную к предначертанным целям.

Трансформация разума: симптомы скрытых угроз. Избранная Г. Бейтсоном линия когнитивного анализа прямо соотносится с одной из ведущих тенденций философии XX в. – критикой технократического разума. Ход истории предназначил традиционную для философии роль «дозорного культуры» сравнительно молодой философской дисциплине – философии техники, и в эпоху стремительных перемен она предупреждает об опасностях, связанных с изменением баланса сил в древней борьбе человека с природными стихиями. Человек обрел власть над скрытыми энергиями природы, но при этом его воля оказалась в зависимости от пробудившейся в ее глубинах темной энергии самоутверждения и власти.

Одна из самых серьезных и при этом неясных, сокровенных опасностей – это самопреобразование разума, создающего в итоге ложный образ самого себя. В «Металоггах» можно найти набросок сценария зарождения и формирования «технократического» синдрома. Отделенный от мира вещей, но при этом нацеленный на вещи инструментальный разум («существо, которое сделано по модели интеллекта, языка и инструментов») стремится к вторжению в объективный порядок. Такого рода вторжение Бейтсон называет естественным развити-

ем цели внутри «объективного существа» (естественным потому, что «инструменты имеют цели»). Всё, что блокирует цель, становится препятствием — так рождается хищный взгляд на вещи, разделяющий их на «мешающие» и полезные.

Это рассуждение переключается со знаменитой аксиологической дихотомией выдающегося ученого XX в. А. Маслоу. Основатель «гуманистической психологии» обнаружил наличие двух взаимоисключающих классов мышления, при этом в качестве основания деления им были положены ценностные приоритеты. Бытийное мышление инспирируется установками на диктат истины, на благодарное и благоговейное отношение к жизни, а также на жажду самоактуализации, раскрытия в себе неясных возможностей. Дефицитарное мышление характеризуется, напротив, почти патологическим стремлением к использованию попавших в поле зрения объектов в утилитарных целях. Психолог отметил его самоистощающийся характер: сущность объекта находится вне узкой сферы интересов субъекта. Столкновение с объектом порождает сугубо поверхностное представление о нем, и в итоге «познание влечет за собой скуку» [4, с. 272].

Дефицитарное мышление можно считать закономерным следствием тенденции к захвату ментального поля инструментально ориентированным разумом. Напрашивается аналогия между редуцированным, безрефлексивным интеллектом и сложным инструментом, настроенным на узкую полосу спектра и не предназначенным для восприятия излучения на других частотах. Такой прибор может безукоризненно работать в ограниченном диапазоне, но обеспечить полноту представления о природном окружении как о связанной целостности он, очевидно, не способен. Подобным же образом сознание, экранированное системой оптимальных методик и эффективных решений, обречено на «разрыв контакта» с реальностью.

Процесс адаптации включает в себя не только защиту от внешних угроз, но и самоутверждение в некоем устойчивом состоянии. Острота сопутствующих переживаний создает иллюзию адекватности «рабочего» образа противостоящего человеку окружения (или, как сказал бы Бейтсон, «карты» территории адаптации) самой объемлющей действительности.

Так притупляется или даже аннигилируется интуиция многомерности жизненного пространства; над интеллектом исподволь обретает власть рациональная методика устранения препятствий. Однако некритическое восприятие возникающей «дефицитарности» как безальтернативного принципа мышления является системной ошибкой, таящей в себе опасность последовательной деградации сознания.

Бейтсон предупреждает: «характеристика системности такова, что базовая ошибка воспроизводит себя». Более того, ее действие напоминает разрушение биоценоза: она «прорастает сквозь ткани жизни своими корнями и всё приводит в хаос». Сущность этой всепроницающей ошибки философ видит в отделении «имманентного разума» от структуры, в которую он погружен. Гармония, связывающая части этой структуры, распространяется в глубину раскрытого, разомкнутого «внутреннего космоса»; она же служит источником уверенности в неиллюзорном, бытийном, ответственном характере добытых рациональным путем знаний. Мыслитель видит следы глубокого переживания связанности мира в архаическом способе мышления, в тотемизме и анимизме. Ошибки этих мировоззренческих систем очевидны, но при этом они несли в себе смысл, почти начисто утерянный в современную эпоху. Гармония природы рождает интуицию системности и вполне может служить «подходящим источником метафор, позволяющих человеку понимать себя и свою социальную организацию».

Очевидно, что Бейтсон входит в плеяду философов, склонных признавать источником переживаемой человечеством острейшей экологической ситуации не столько технический прогресс как таковой, сколько его ментальные предпосылки. Оторванный от иерархии онтологических контекстов разум оказывается «слишком способен на сумасшествие». Возникает опасное чувство тотальной власти над системой, частью которой является само человеческое существо. Философ использует греческое слово «*hurbis*» (высокомерие, гордыня); это надменное самоощущение провоцирует многомерный экологический конфликт, и «в качестве модификатора окружающей среды сознательный человек сегодня вполне способен разрушить самого себя и эту среду (причем с самыми лучшими сознательными намерениями)» [2, с. 411].

Но эта драматическая вражда является в высшей степени «немудрой»: Бейтсон предупреждает, что системы неизбежно наказывают такие «виды». В этом пророческом предупреждении явственно звучит глубинная интуиция мыслителя. Он не признает тотальную власть случайных сцеплений, и мир для него не хаотичен, а управляется силой разумного согласования. Отнюдь не случайной представляется многозначительная ремарка: «Если хотите, можете назвать системные силы „Богом”» [2, с. 399].

В этом утверждении заключено смысловое богатство, из которого хочется извлечь явное указание на то, что в иерархической мировой композиции заложены еще не открытые истины и в ней дремлют могучие энергии. Поэтому «лекарство от болезни под названием „сознательная цель” лежит в сфере индивидуального»; освобождение начинается с прикосновения к онтическому. Здесь снова заметна параллель с важнейшим тезисом гуманистической психологии: согласно Маслоу, «целеполагание в традиционной, расхожей жизненной философии трактуется ошибочно или, по меньшей мере, взгляд на него отличается крайней незрелостью» [5, с. 18]. Созидательная цель заключается в самоактуализации, которой сопутствуют «постижение внутренних связей и отношений между отдельными фактами бытия; священный трепет; преданность идеалам и ценностям» [Там же. С. 125].

Итак, «определенные ошибки в мышлении и тенденция западной культуры» следует отнести к числу разрушительных факторов. Речь идет в первую очередь об агрессивном отношении к природе, тесно связанном с настроениями, сопровождающими социальное противоборство. Бейтсон упоминает также претензию на жесткий (односторонний) контроль над природными процессами и на унаследованное из эпохи индустриальной революции заблуждение о принципиальной безграничности нашей среды обитания. Замечательным представляется дополнение этого «черного списка» двумя изрядно скомпрометировавшими себя утверждениями: «здоровый смысл заключается в экономическом детерминизме» и «технология даст нам всё» [2, с. 458]. Дело в том, что эти две формулы указывают уже не столько на невольную и тем самым невинную «ошибку в мышлении», сколько на сознательный вызов многовековой

культурной традиции. В этих тезисах обозначает себя сокрушительная формообразующая сила цивилизации, и эта сила претендует на последнее слово. Подразумевается выход на некий предельный контекст, тотально исчерпывающий онтологическую проблематику.

Призыв Бейтсона к переживанию самого себя (своего совокупного «я») как кибернетической модели может вызвать недоумение, однако он лежит в русле напряженных усилий по созиданию экологии человеческого бытия. Глубинным пороком инструментального интеллекта оказывается его герметичность, самозамкнутость, превращающая его в опасное подобие самонаводящегося снаряда. Технократическая рациональность безжалостно отменяет гуманистические «иллюзии», сохраняя слепую веру во всевластие «научных» (объективистских) методик. Напротив, направленность сознания (имманентного ядра личности) на союз с космической архитектурой способна дать избавление от навязчивой жажды целеполагания, исходящей из отчужденной и властной инструментальной «полусферы». Эта направленность рождает творческое переживание. Бейтсон связывает его с соединенным в единое целое веером духовных движений, упоминая «сновидения, создание или восприятие искусства, поэзию и прочие подобные вещи»; он также считает возможным включить в это единство «лучшее, что есть в религии» [Там же. С. 403].

Таким образом, проблема амбивалентности интеллектуальной активности современного человека находит в творчестве Бейтсона яркое и оригинальное решение. Его системно-кибернетический подход отнюдь не предполагает редукции мышления к двум способностям — управлению и вычислению, ставшей соблазном для последующего развития «компьютерных» ветвей когнитивной психологии. Напротив, он позволяет вписать сознание в сложное переплетение смысловых связей.

Аллюзией известного афоризма Фрейда о «королевской дороге к бессознательному» предстает утверждение Бейтсона о способах опознания (или обнаружения) сознания: путь к нему пролегает «через язык и инструменты». Сознание оперирует знаками и овладевает миром с помощью техники, но остается при этом независимым таинственным агентом, одновременно и мощным, и хрупким, способным к

самоуничтожению. Так постепенно за «инновационной» терминологией открывается традиционная тема классической онтологии, тема взаимопроникновения трех мировых начал: сущности человека, мира как арены для ее реализации и всепронизывающего бытия как фундаментального условия их взаимодействия.

Привлекательность кибернетики для ученых, мыслящих в масштабе крупных и сверхкрупных систем, связана, очевидно, с ее концептуальной альтернативностью аналитической науке, построенной на принципе искусственной изоляции. Важное достижение Бейтсона – учение о двух разнонаправленных когнитивных контурах, активном и пассивном, – находит параллели в работах двух крупнейших мыслителей XX в. – М. Хайдеггера и М. Бубера. Согласно Хайдеггеру, «есть два вида мышления, причем существование каждого из них оправдано и необходимо для определенных целей: вычисляющее мышление и осмысляющее раздумье». Современному человеку грозит потеря глубинного ядра человечности, поскольку он «спасается бегством от мышления» [6, с. 103]. Так появляется «бездумность – зловещий гость» в сегодняшнем мире мерцающих и исчезающих, манящих своей россыпью, исчислимых и планируемых целей... Опасность технической эпохи Хайдеггер видит не в технике как таковой, но в возможности того, что «однажды вычисляющее мышление останется единственным и действительным практикуемым способом мышления». На повестке дня стоит практический аспект фундаментальной онтологии – «вопрос о том, что человек Нового Времени впредь находится в принципиально новом отношении к бытию и что он ничего об этом не знает» [7, с. 145].

Германский философ видит выход в развитии нетехнических горизонтов мышления. Схожим образом размышляет и Бейтсон: он полагает, что области человеческой деятельности, в которых «мудрость имеет признание», могут «действовать как корректоры». Здесь ученый прямо указывает на сходство с идеями Бубера, который противопоставил два «луча», два принципа сознательного выхода навстречу действительности. Таковыми предстают отношения «я – ты» и «я – это»; последнее характеризует контакт человека с миром неодушевленных вещей. Но данный паттерн может распростра-

ниться и на межличностное общение, и в этом случае возникающие отношения определяются формулой «цель важнее любви».

Эту афористическую формулу Бейтсона можно рассматривать как краткое определение технократической «платформы». Действительно, «технократизм представляет собой особый, вырожденный тип рациональности – рациональность, „свободную” от ценностей (лишенную ценностей)» [8, с. 76]. Более того, можно говорить о регрессе мышления как о спутнике синдрома тотальной и дегуманизирующей операциональности. Она порождает характерную для технократизма мертвящую, «лунатичную» целеориентированность: «заданный курс корректировке не подлежит; он воспринимается как нечто естественно-телесное, наподобие дыхания и сердцебиения» [Там же. С. 81]. Результатом снижения когнитивного потенциала вполне может стать социальная катастрофа. По словам Х. Ленка, особенностью технократического подхода «является взгляд на человека как на обучаемый, программируемый компонент системы, как на объект самых разнообразных манипуляций» [9, с. 37].

Пожалуй, самая сильная диагностика современной цивилизационной угрозы принадлежит Х. Сколимовскому: техника становится состоянием западного сознания [10, с. 246]. Бейтсон отчетливо видел эту тенденцию и призывал к обузданию мертвящей тотальности. Он полагает, что «сложная кибернетическая структура сообществ и экосистем до некоторой степени аналогична одушевленности». Следовательно, безжалостному инструментализму можно противопоставить распространение на окружающий мир высокого духа человеческой любви и благоволения к жизни. Проецируя отношение «я – ты» на природу, не следует забывать об экологической аксиоме «всё связано со всем». Бейтсон придает ей несколько иную формулировку: «мир, в котором мы живем, – это мир петлевых структур». Для понимания мировой мозаики недостаточно отрывочных знаний; здесь требуется мудрость. Бейтсон видит спасение в согласном единстве двух основных духовных добродетелей, взрастивших благородное дерево философии: «любовь может выжить, если только ее эффективно поддержит мудрость». Мудрость науки философ видит в самоограничении: существуют области, прин-

ципиально ускользающие от предсказания и контроля [11, с. 33]. Он проводит интересную параллель между звездообразным отверстием в стекле и столь же непредсказуемой конфигурацией исторических реализаций. Эта поправка существенна, и существо, «самонадеянно приписавшее весь разум самому себе», должно скорректировать избирательное внимание, выйти за пределы «узкого целенаправленного взгляда».

Таким образом, многоплановая, но при этом скрепленная последовательной холистической логикой концепция Г. Бейтсона содержит богатый материал для размышлений об актуальных проблемах человечества. К сожалению, его размышления остаются во многом «неизведанной землей». А.И. Пигалев [12] утверждает, что «на русском языке анализ фундаментальных идей Бейтсона фактически еще и не начинался». Тезис можно оспорить: значительный вклад в этот анализ внесла работа Д.Г. Смирнова, в которой, в частности, отмечаются параллели между учением Бейтсона и русской ноосферологией. Рассуждая в линиях «экологии разума», Смирнов говорит о «слепой семиотике», понимая под ней потерю чувствительности, невосприимчивость к знакам, посылаемым природой [13, с. 318]. Можно говорить и о внедрении в биосферу чуждых ей материализованных знаков, но в этом случае надлежит учитывать заявление, сделанное Бейтсоном: «более совершенное» никогда не может породиться «менее совершенным».

Заключение

Новоевропейская парадигма мышления рассматривала и продолжает рассматривать

рациональность исключительно как технику овладения природой [14, с. 14]. Подобный подход в наше время становится опасной силой, подрывающей онтологические основы. По словам Бейтсона, примитивная рациональность «неизбежно патогенна и разрушает жизнь». Ослепленный чувством всевластия инструментальный разум постоянно осуществляет болезненную имплантацию в ткань мирового целого неких чуждых этой целостности компонентов. Однако человечество всё же, видимо, способно к самоконтролю, и для выполнения трудной задачи «смены вех» особую значимость имеют работы мыслителей, осознавших многоплановость и глубину глобальных проблем современности. К числу таких работ относится внутренне цельная книга Г. Бейтсона, изобилующая материалом для размышлений об актуальных проблемах нашей эпохи и контурах альтернативного рационализма.

Человечество входит в полосу риска; ответственными становятся угрозы, обозначение которых составляет несомненную заслугу этого первопроходца «киберэкологии». Сегодня мы сталкиваемся с изнанкой господства высоких технологий — с деградацией культурных стандартов, засильем знакового мышления и ослаблением скрепляющих общество «тонких» межличностных связей. Философское наследие Бейтсона привлекает вдохновляющим стремлением к «одушевленному знанию», выраженному в безупречной дискурсивной форме. Мыслитель набрасывает сеть смысловых узлов на область непознанного, и читателю приоткрываются грани «трехмерного», неповерхностного образа мира, который на протяжении веков создает упрямая философская мысль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 50–61.
2. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.
3. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Тайдекс Ко, 2000.
4. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999.
5. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
6. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высш. шк., 1991.
7. Хайдеггер М. Семинар в Ле Торе, 1969 // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 123–151.
8. Козырев Д.Н. Век техники — век инструментального разума. СПб., 2013.
9. Ленк Х. Размышления о современной технике. М.: Аспект-Пресс, 1996.

10. Сколимовский Х. Философия техники как философия человека // Новая технократ. волна на Западе. М., 1986.

11. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. Новосибирск, 2005.

12. Пигалев А.И. Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 148–160.

13. Смирнов Д.Г. «Экология разума» Г. Бейтсона: поиски семиотических оснований ноосферной истории // Изв. вузов. Сер. Гуманитарные науки, 2011. № 2 (4). С. 314–319.

14. Гайденок П.П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 3–14.

Козырев Дмитрий Николаевич

E-mail: dnk72@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2019 г.

REFERENCES

[1] Arshinov V.I., Budanov V.G., [Systems and networks in the context of the complexity paradigm], Voprosy filosofii [Philosophy issues], 1 (2017) 50–61.

[2] Bateson G., Ekologiya razuma. Izbrannyye stat'i po antropologii, psixiatrii i epistemologii [Ecology of Mind. Selected articles on anthropology, psychiatry and epistemology], Smysl, Moscow, 2000.

[3] Wiener N., Kibernetika i obshchestvo [Cybernetics and society], Taydeks Ko, Moscow, 2000.

[4] Maslow A., Dal'niye predely chelovecheskoy psikhiki [Far limits of the human psyche], Yevraziya, St. Petersburg, 1999.

[5] Maslow A., Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality], Yevraziya, St. Petersburg, 1999.

[6] Heidegger M., Razgovor na proselochnoy dorozhke [Conversation on country road], Vysshaya shkola, Moscow, 1991.

[7] Heidegger M., Seminar v Le Tore, 1969 [Seminar at Le Tore, 1969], Voprosy filosofii [Philosophy issues], 10 (1993) 123–151.

[8] Kozyrev D.N., Vek tekhniki – vek instrumental'nogo razuma [The age of technology – the age of instrumental intelligence], St. Petersburg, 2013.

[9] Lenk H., Razmyshleniya o sovremennoy tekhnike [Reflections on modern technology], Aspekt-Press, Moscow, 1996.

[10] Skolimovskiy Kh., Filosofiya tekhniki kak filosofiya cheloveka [Philosophy of technology as a philosophy of man], in: Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West], Moscow, 1986.

[11] Bateson G., Razum i priroda: neizbezhnoye yedinstvo [Mind and nature: the inevitable unity], Novosibirsk, 2005.

[12] Pigalev A.I., [God and Feedback in the Gregory Bateson Network Paradigm], Voprosy filosofii [Philosophy issues], 6 (2004) 148–160.

[13] Smirnov D.G., [“Ecology of Reason” by G. Bateson: the search for semiotic bases of noospheric history], Izvestiya vuzov. Gumanitarnyye nauki [News of universities. Humanities], 2 (4) (2011) 314–319.

[14] Gaydenko P.P., [The problem of rationality at the end of the 20th century], Voprosy filosofii [Philosophy issues], 6 (1991) 3–14.

Kozyrev Dmitriy N.

E-mail: dnk72@yandex.ru

Received 04.02.2019.